

1

НИНА

В некотором смысле мы все лишились родины —
мигранты из страны детства.

Георги Господинов¹

ИЗ ГЛУБИНЫ, ТЕМНО МЕРЦАЯ ПОД ЛЕГКОЙ РЯБЬЮ,
он, словно сон, медленно поднимается к свету. И взрезает поверхность воды. Серебряный хвост самолета, оторванный от фюзеляжа, но на удивление целый, будто лишь того и ждал, чтобы его пробудили ото сна на дне морском. Обросший ракушками, словно старый кит. На стабилизаторе — черная размытая свастика. Ил придонный капает с крыльев. Изнутри доносится скрежет и стон, пока кран осторожно поднимает чудище на берег. Водолаз пробует закрытьки на прочность. Немецкое качество. Не раз виденная на черно-белых снимках алюминиевая обшивка «Юнкерса Ju-52» теперь возникает в цвете, посреди сверкающей синевы. Вдали песчаный пляж, скалы и оливковые деревья, на берегу играют дети.

Я смотрю на экран и не могу поверить. Мы когда-то стояли на этом пляже и смотрели на море. Ветряные мельницы Марсалы,

¹ Георги Господинов (р. 1968) — болгарский поэт, прозаик и драматург. — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

виноградники и церковь, наше свадебное путешествие по Сицилии. Никогда бы мне в голову не пришло, что на дне моря лежит машина, которая должна была доставить моего деда домой. Самолет рухнул в Средиземное море недалеко от Трапани, базы люфтваффе, немецких военно-воздушных сил. То ли артобстрел, то ли нехватка горючего, то ли отказал мотор — это еще предстоит выяснить. Они говорят, это случилось 7 мая 1943 года, незадолго до рождения моей матери.

Я то и дело возвращаюсь к видео и перечитываю электронное письмо, с которым оно пришло. Пишу ответ и стираю его. Потом встаю, запираю свой кабинет, здороваюсь с ночным вахтером и покидаю Музейный Остров.

Сырой воздух пахнет листвой, осень в этом году ранняя. Блеклые осколки света на ряби Шпрее. Если правда, что мой дед погиб в этом самолете, это означает окончательную уверенность, что я — последняя в нашем роду. Сперва умерла моя бабушка, потом мать. Единственный, кто оставался, — исчезнувший дед. Теперь я одна.

S-бан скользит сквозь ночь. Тот же путь, что и каждый вечер. Неизменность некоторых вещей успокаивает меня. Пассажиры входят и выходят, мода приходит и уходит, а линия S1 всегда останется линией S1. Она пережила бомбардировки и раздел города. Скорее всего, и мой дед ездил по этому маршруту. Тиргартен, Савиньи-плац, Ванзее. Моя профессиональная болезнь: археологи видят мир не таким, каков он сейчас, а таким, каким он был прежде — слой за слоем. Для нас все существует одновременно, невидимое наряду с видимым, следы вчера просвечивают сквозь сегодня, настоящее я вижу как следствие прошлого.

Мой взгляд странствует сквозь времена, как будто я пролистываю книгу. Вокзал Фридрихштрассе, мы с Джанни напились в последнюю ночь прошлого тысячелетия. Моя первая поездка в Восточный Берлин в восьмидесятые — робким тинейджером в джинсовой курточке и кроссовках, с матерью, у которой был друг на Востоке, любивший западные сигареты. Он ждал нас на холоде в куртке-пуховике, с пропуском в руке, никто в нейтральной зоне не смел разговаривать в полный голос. В деталях я ви-

жу и то, что было до моего рождения, словно присутствовала при этом: раскученные ночной бомбежкой рельсы, моя юная бабушка провожает на вокзале моего деда в военной форме, она еще верит в победу, а он в сомнениях, но помалкивает.

После полуночи я звоню Патрису на Сицилию. Во «входящих» уже четыре сообщения от него. И видео со свастикой. *Приезжай немедленно, это сенсация!* Мы знакомы со студенческих лет, вместе провели год по обмену в Перудже, а потом наши пути разошлись. Его всегда привлекала подводная археология, я же предпочитала твердую почву под ногами. Все, что я люблю в пустыне, Патрис любит на глубине, и наоборот: он боится пустоты, а я глубины. Там, внизу, можно быстро погибнуть или быстро разбогатеть, а все, что в промежутке, ему неинтересно. Я же избегаю крайностей, мне нужна надежность земли, и меня устраивает постоянная должность в фонде Прусского культурного наследия.

Когда-то Патрис был влюблен в меня — и я в него, если уж честно. Может, из этого получилось бы приключение что надо, но я уже выбрала Джанни. Патрис был привлекательный, очаровательный, безумный, и именно поэтому он сделал бы несчастной любую из женщин. Одной бы ему не хватило.

Голос его я узнаю сразу — все такой же молодой, чистый, как прежде. Но вот звучит он слишком возбужденно.

— Ты же постоянно о нем говорила, ты что, не помнишь?

Да. Мой дед — вопросительный знак в нашей семье.

— Самолет летел из Туниса. А ведь он служил в Северной Африке, ты сама говорила, верно?

— В войну миллионы пропали без вести, как тут узнаешь...

— Я пришлю тебе одну фотографию. То, что мы нашли. *C'est incroyable!*¹ Его ведь звали Мориц, нет? А фамилия как у тебя?

— Нет, у нас разные фамилии, Патрис, к тому же у меня сейчас другие проблемы.

¹ Это невероятно! (фр.)

Мне его волнение не передается. Скепсис перевешивает.

Потом приходит фото. И еще одно. Я смотрю на экран смартфона, и по спине у меня пробегает холодок. Обросший ракушками и пожелтевший от ржавчины, но все равно на удивление хорошо сохранившийся фотоаппарат. Марки «Агфа», надпись на корпусе отчетливо читается, но вместо объектива зияет дыра — там, где у старинных аппаратов была гармошка сильфона. На втором снимке фотоаппарат снят сзади, третий файл — увеличенная деталь, гравировка в ржавом металле, очищенная от отложений. Инициалы М. R. Или М. V.?

— Какая у него была фамилия?

— Райнке.

Мне эта фотокамера знакома по другому снимку, одному из немногих сохранившихся снимков деда: двадцатилетний, еще до катастрофы, он стоит на Ванзее, подтяжки, ворот рубашки растегнут, на лице улыбка — и острый, прямо в объектив, взгляд, в руке камера, будто он только и ждет, чтобы сфотографировать того, кто снимает его самого, то есть мою юную бабушку.

— После шестидесяти с лишним лет, Нина! Жизнь пишет самые безумные истории.

Нет, *моя* жизнь уж никак не безумна, в ней все идет по заведенному распорядку, моя жизнь — островок стабильности в хаосе этого города, как говорят мои подруги; ну хорошо, за исключением краха с Джанни. При том что и сам крах вполне заурядный: молодая любовница и жена, получившая от мужа сообщение, предназначенное не ей. Нет, жизненные истории как раз слишком банальны.

— Ты не рада? Наконец-то ты его нашла!

Я молчу, сама не зная почему. Уши будто заложило, конечно, они онемели. Если мой дед действительно лежит на дне моря у побережья Сицилии, то он больше не будет считаться без вести пропавшим. Тогда его тайна, всегда окрылявшая мою фантазию, будет раскрыта.

— Подсказку дал мне один рыбак. Именно рыбаки всегда вытаскивают что-нибудь на поверхность. И тогда мы нашли стабилизатор и несколько предметов из хвостовой части. Бортовую

утварь, каркас сиденья... и вот эту камеру. Теперь мы ищем фюзеляж. Может, найдем еще что-нибудь.

Мне стало жутковато при мысли, что я могу увидеть законсервированного в морском иле молодого солдата, который придется мне дедом. Потом верх взял рассудок — под водой вряд ли сохранился даже скелет. Морские звезды, рыбы и раки объедают ткани. А кости со временем деминерализуются. Сохраниться они могут только под слоем ила, без доступа кислорода.

Да и инициалы могут означать что угодно. Мартин Рихтер, например. Михаэль Бидерман.

— Единственное, что вызывает у меня сомнения, — сказал Патрис, — это марка фотоаппарата. Фотографы вермахта использовали более прогрессивную «Лейку-Шс». А это «Агфа Карат» тридцатых годов.

Вот почему мы, археологи, не читаем детективы. Мы сами ведем расследования каждый божий день. Но я не знаю, есть ли у меня силы погружаться в него. Я знаю одно: дед занимался не только фотографией. В какой-то момент он выбился в кинооператоры, снимал хронику для еженедельных киножурналов.

— Послушай, Нина. У меня есть документ, отчет начальника тыла из Трапани о несчастном случае. Там значится тот же номер самолета, который мы нашли на хвосте. Имена экипажа тоже известны. Но нет списка пассажиров. С ним бы исчезли последние сомнения. И у меня к тебе... просьба.

— Какая?

— Поименные сообщения о потерях есть в армейских архивах. Они дают справки по вермахту. То есть если где-то и есть список пассажиров, то у них. Но у меня туда нет доступа, я всего лишь мелкий французский водолаз. А там надо, чтобы был родственник или гражданин страны. Из-за этого закона о защите данных.

— Где это?

— В Берлине.

— Хорошо, я сделаю.

— Нина, ты просто сокровище. За это я приглашаю тебя на выходные!

— Куда?